

И.А. БУНИН И Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ:
ПОЛЕМИКА, ИДЕОЛОГИЯ, КОНТЕКСТ¹

Существует известный рассказ о том, как Мирский на литературном вечере в Париже в 1928 г. объявил, что отдаст всего Бунина за один «Разгром» А. Фадеева².

Внешняя эпатажность и нарочитость этого заявления не должны, однако, заслонять собой важное обстоятельство: к Бунину Мирский обращался в своих работах неоднократно, причем эти обращения носили отнюдь не периферийный характер, а затрагивали наиболее существенные для Мирского вопросы эстетического и мировоззренческого порядка.

Мирский не был типичным литературным критиком-поденщиком, каковых русская эмиграция знала немало. Личность исключительно сложная, Мирский до сих пор представляет собой загадку для историков русской культуры. Его почти каноническому статусу среди западных славистов упорно противостоит в России представление о нем как о человеке с сомнительной биографией и эксцентричными взглядами и оценками, ставшем «жертвой собственного духовного озорства» (по упрощающему слову Г. Струве, к сожалению — прижившемуся³).

Поразительная эрудиция и блестящий литературный стиль делают Мирского не только «пишущим о литературе», но и полноправной частью самой литературы. Парадоксальность оценок Мирского, так возмущавшая многих его современников, оказалась исключительно плодотворной для последующих исследователей русской литературы — в России и за рубежом.

На протяжении десятилетия своей европейской биографии, 1922–1932 гг., Мирский регулярно писал о Бунине в разных контекстах и по разным поводам.

¹ Автор признателен А.Б. Блюмбауму, О.А. Казниной, О.А. Коростелеву, Т.В. Марченко, Н.Г. Мельникову, Дж. Смигу, любезно прочитавшим текст статьи на разных этапах ее написания, за ряд сделанных ими ценных замечаний.

² См.: *Слоним М.* О Марине Цветаевой // Новый журнал. 1971. Кн. 104. С. 158. Этот же эпизод описывает в самом начале своей книги «Одиночество и свобода» (1955) Г. Адамович, не называя, впрочем, Мирского по имени: «Помню, на одном из бесчисленных парижских диспутов докладчику, под конец вечера, так сказать, совсем “закусившему удила”, кто-то из публики крикнул: “Что же, по-вашему, значит, Бунину следует учиться у Фадеева?” Докладчик не задумываясь ответил: “Да, да, именно учиться у Фадеева... — и, почувствовав, вероятно, что в таком “лапидарном” виде заявление чересчур уж смехотворно, добавил: — Учиться правде”» (*Адамович Г.* Одиночество и свобода: Очерки. СПб., 2006. С. 21).

³ *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский; вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж; М., 1996. С. 64.

Если в 1920–30-е гг. Бунина справедливо считали крупнейшим писателем в русском зарубежье, то едва ли будет преувеличением сказать, что в это же время русская эмиграция воспринимала Мирского как самого скандального литературного критика. Если М.И. Цветаева замечала, что Мирский — «единствен<ный> в эмиграции критик, ненавидим<ый> эмиграцией, англичане <его> любят и чтят»⁴, то Георгий Иванов называл Мирского «одиозным критиком»⁵. Уже сама подобная позиция заставляет пристально всмотреться в оценки Мирского. Как отметила О. Казнина, в англоязычной «Истории русской литературы» и «в последующих работах этого типа основное стремление Д. Мирского... установить “канон” русской литературы, причем не только классической, но и современной, включая ее советскую и эмигрантскую ветвь»⁶; при этом, «<в> отличие от трудов по русской литературе, ставших за рубежом классическими, журнальные публикации Д. Мирского носят полемический, часто намеренно эпатажирующий характер»⁷. Несмотря на то что этот канон, казалось бы, был утвержден Мирским в его английских историях русской литературы 1925–1927 гг., есть основания рассматривать всю литературно-критическую деятельность Мирского в 1922–1932 гг. как стремление установить канон и на материале современной русской литературы. Мирский был человеком сильных увлечений и категорических высказываний. Эволюция его взглядов часто производила на окружающих впечатление неоправданных срывов и капризов.

Мы попробуем проследить, придерживаясь хронологической последовательности, смену оценок Д.П. Святополк-Мирским творчества И.А. Бунина, чтобы раскрыть особенности Мирского-критика и Мирского-историка сквозь призму оценки им бунинского творчества.

Взгляд Мирского на Бунина — острый, временами беспощадный и провоцирующий резкие реакции — не только характерная деталь литературного быта русской эмиграции 1920-х гг., но и выражение принципиальных позиций Мирского как мыслителя, до сих пор во многом не понятого и не оцененного.

Мирского как литературного критика, знаменитого своими категорическими и часто шокирующими высказываниями, можно противопоставить другому знаменитому критику русского зарубежья — Г. Адамовичу, критическая манера которого удачно охарактеризована, например, в письме Ю. Терапиано к В. Маркову от 7 ноября 1955 г.: «...Вы лучше можете воспринять его разговоры об эмигрантских писателях, чем мы, 30 лет слышащие их и давно уже привыкшие к блестящей, извилистой, неопределенной, без твердых очертаний, импрессионалистической

⁴ Письма Марины Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой (1928–1931 гг.) / Публ. Р. Дэвиса; подгот. текста Л. Шоррок // *Минувшее: Ист. альм.* 8. М., 1992. С. 222. Курсив М.И. Цветаевой.

⁵ *Иванов Г.В.* В защиту Ходасевича // *Собр. соч.*: В 3 т. М., 1993. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 513.

⁶ *Казнина О. Д.* Мирский. Несобранные статьи по русской литературе // *Вопросы литературы.* 1990. Янв. № 1. С. 224. Рец. на: *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature / Ed. with an introduction and bibliography by G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts. Vol. 13.)

⁷ Там же. С. 219.

критике Адамовича. Все очень хорошо, все — спорно, все нужно читать между строк!»⁸

Оценка Мирским бунинского творчества может остаться лишь примером ситуативной намеренно-субъективной критики, если не принимать во внимание тезис, который Мирский неоднократно излагал и варьировал в своих работах 1920-х гг.⁹ В наиболее концентрированном виде он представлен в статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926): по Мирскому, в русской литературе начала XX в. царило «некоторое общее отрицание жизни, которое могло принимать форму “неприятя быта” при страстном (квази-) религиозном приятии жизни стихийной, или духовной (символисты-оптимисты от Бальмонта до Евреинова); или разочарования в общественности и отвращения к существующим формам при неверии или маловерии в лучшие; или простого нерассуждающего отвращения к уродствам жизни; или метафизического “неприятя мира”, и богоборчества. Но в одном все сходятся: в чувстве глубокого отвращения от всякой *данной*, эмпирической жизни, или полного равнодушия ко всем “акциденциям” жизни. Вся Русская литература от Чехова и Анненского до Блока и Белого и дальше от Ходасевича и... Эренбурга. “Моя жизнь”, “Кипарисовый ларец”, “Мелкий бес”, “Детство”, “Суходол”, “В тумане”, “Движения”, “Пруд”, “Балаганчик”, “Петербург” — все объединены ненавистью к жизни, или страхом перед ее бессмысленностью, и если у символистов-оптимистов воспевалась Жизнь, она ничего общего не имела с той жизнью, который мы все живем. Исключения очень редки, и единственные два значительные относятся к самому началу и самому концу этого времени: ранние рассказы Горького, и поэзия Гумилева»¹⁰.

Представляется, что этот тезис и его производные оказали решающее воздействие на оценки Мирским сочинений Бунина и его места в истории русской литературы, которые и являются предметом настоящей работы.

Если судить по опубликованным М. Грин дневникам Буниных, Мирский и Бунин были знакомы по крайней мере с начала 1920-х гг., однако эти данные представляются нам ошибочными. Дневниковую запись от 1 января (19 декабря)

⁸ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 258.

⁹ Как замечает крупнейший специалист по творчеству и биографии Мирского Дж. Смит, «Мирский никогда не повторяется, даже когда многократно пишет о некоторых главных авторах и темах» (Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000. P. 81). Здесь и далее, если не указано иное, переводы с английского — автора статьи.

¹⁰ *Святополк-Мирский Д., кн. О нынешнем состоянии русской литературы* // *Благонамеренный*. 1926. № 1. С. 95–96. Здесь и далее пунктуация и орфография подлинника в цитатах из Мирского сохранены, за исключением очевидных ошибок набора, исправление которых не оговаривается; в цитатах из Мирского написание названий художественных произведений приведено к современным нормам.

Ср. также в письме Мирского Сувчинскому от 8 августа 1926 г.: «Это поколение, рожденное в годы злотворчества Достоевского (*Записки из подполья* 1864–1881!) не принесет чистого плода» (Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. № 26). P. 57). Здесь и далее в цитатах из писем Мирского сохранены подчеркивания автора.

1921 г. — «Днем у нас долго сидел Мирский» — М. Грин комментирует следующим образом: «Вероятно, Д.П. Святополк-Мирский, литературовед»¹¹. К Святополк-Мирскому М. Грин также относит следующую запись от 28 февраля (13 марта) 1921 г.: «Позавчера вечером у меня было собрание-заседание Правления Союза Рус<ских> Журналистов, слушали обвинение Бурцева против Кагана-Семенова <...> Бурцев заявил, что он, Каган, был агентом Рачковского. Были А. Яблоновский, Мирский, С. Поляков, Гольдштейн, Толстой, Каган и Бурцев»¹². Из контекста, однако, можно заключить, что речь в дневнике Бунина идет не о Д.П. Святополк-Мирском, а о Борисе Сергеевиче Миркине-Гецевиче (1892–1955), в январе 1920 г. приехавшем в Париж и печатавшемся под псевдонимом «Борис Мирский». Тот же самый Мирский — Миркин-Гецевич, а не Д.П. Святополк-Мирский — фигурирует и в опубликованных той же М. Грин письмах М.А. Алданова к Бунину¹³. Резонно предположить, что и в записях 1921 г., и в письме 1931 г. речь идет об одном и том же человеке — Б. Мирском.

Достоверно известно, что у Мирского и Бунина была общая близкая знакомая — А.В. Тыркова-Вильямс, но в опубликованных письмах Бунина к Тырковой-Вильямс 1920–1925 гг.¹⁴ имя Мирского не встречается ни разу. В переписке Бунин неоднократно (и негативно) упоминает владельца издательства «Хогарт Пресс» («Hogarth Press») Леонарда Вулфа, с которым Мирский поддерживал приятельские и рабочие отношения. В начале февраля 1925 г. Бунин приезжал в Лондон¹⁵. Как раз в феврале 1925 г. в Лондоне Мирский спешно заканчивал рукопись своей книги «Новая русская литература» («Modern Russian Literature»), где писал и о Бунине¹⁶, так что вероятность встречи Мирского с Буниным в Лондоне в этот период весьма мала. Вместе с тем «в заметках и архиве Бунина, который... скрупулезно собирал отзывы о своем творчестве, нигде не упоминаются мнения Д.П. Святополка-Мирского, тогда как этот критик существенным образом повлиял на представление англичан о творчестве писателя»¹⁷.

¹¹ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1981. Т. 2. С. 20, 301). Ср. также запись 1 (14) января 1921 г.: «Днем был Мирский» (Там же. С. 22).

¹² Там же. С. 30. Купюра в цитате сделана публикатором. «Указатель имен» на имя «Мирский (Святополк-Мирский) Д.П.» отсылает к этой записи (см.: Там же. С. 313).

¹³ См., напр., письмо от 2 января 1931 г. по поводу выдвижения кандидатуры Бунина на Нобелевскую премию: «Повидал Б. Мирского, — он обещал сделать все от него зависящее. <...> Кроме того Мирский обещал сделать другое: он хорошо знаком с дочерью Бьернсона, к<отора>я будто бы имеет огромное влияние в Сканди<навских> литер<атурных> кругах» (Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. и коммент. М. Грин // Новый журнал. 1965. Кн. 81. С. 111).

¹⁴ «Вы — друг старый и верный...»: Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее: Ист. альм. 15. М.; СПб., 1993. С. 165–192.

¹⁵ О поездке Бунина в Англию в 1925 г. см.: Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 374–380.

¹⁶ Мирский в письме Сувчинскому от 2 февраля 1925 г.: «Доканчиваю (уже пропустил срок) Новую русскую литературу» (Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 54).

¹⁷ Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину / Вступ. ст., публ. и примеч. О.А. Казниной // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 341.

Бунин появляется уже в первых опубликованных Мирским по-английски литературно-критических статьях, для которых характерен и взвешенно-исторический подход (в силу ориентированности этих обзорных текстов на английского читателя), и вместе с тем специфические акценты, которые со временем усилятся. Так, в 1920 г. Мирский отмечает: «...поразительно, что русская проза была столь странно посредственной после смерти Чехова (и некоторое время до нее). Андреев, Бунин, Толстой-младший — это люди подлинного таланта и оригинальности, но было бы нелепо сравнивать их даже с Тургеневым. Теперь пальма первенства перешла к поэтам...»¹⁸ (пер. с англ.).

Два года спустя, в 1922 г., акценты в трактовках Мирского начинают смещаться: «Художественная проза, которая всегда была гордостью русской литературы, оказалась сравнительно незначительной. Из нескольких выдающихся романистов только Горький и Сологуб немного занимались беллетристикой, но то, что они дали сейчас — явно плохо. Андреев умер. Остается Бунин, величайший из ныне живущих и пишущих новеллистов. Каждое его новое произведение является достижением, превосходящим предыдущее. Но хотя он ввязался в политическую полемику и сочиняет гневные статьи, его художественное творчество всегда *au dessus de la mêlée*¹⁹. Его гений вне времени, его отношение к жизни — как у брамина или парнасца»²⁰ (пер. с англ.).

В опубликованной в январе 1922 г. статье о литературе русской эмиграции²¹ Мирский весьма выразительно характеризует творчество Бунина: «Сказать, что Бунин — это, вероятно, лучший из живущих русских прозаиков, значит сказать не слишком много. Его сочинения — в основном, перепечатки, выходят в Париже, а его шедевр, “Господин из Сан-Франциско”, только что переведен на французский и рекламируется как шедевр величайшего из живых русских писателей. Бунин, вероятно, не придется по вкусу французскому читателю как

¹⁸ Мирский Д. Русское письмо. Вводное // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб., 2002. С. 25. Текст на английском см.: Five Russian Letters. I. Introductory // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 47. Впервые: *Mirsky D.S. Five Russian Letters. I. Introductory // London Mercury*. 1920. Dec. Vol. 3. № 14. P. 207–209.

¹⁹ выше повседневной суеты (фр.).

²⁰ Святополк-Мирский Д.П. Литература в стране большевиков // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 51–52. Текст на английском см.: *Mirsky D.S. Five Russian Letters. IV. The Literature of Bolshevik Russia // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature*. P. 80. Курсив Мирского. Впервые: *Mirsky D.S. Five Russian Letters. IV. The Literature of Bolshevik Russia // London Mercury*. 1922. Jan. Vol. 5. № 27. P. 276–285.

Ср. в рецензии М. Кузмина, опубликованной в «Аполлоне» (1910. № 5. 2-я паг. С. 54–55): «В стихах И. Бунин стремится к очень умеренному парнасизму Фр. Коппэ» (Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3: Эссеистика. Критика / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. М., 2000. С. 28). Сравнение оценок Кузмина и Мирского может быть релевантным, учитывая факт до-революционного знакомства Мирского с Кузминым.

Отметим, что в статье 1921 г. Мирский характеризует Бунина вместе с Волошиным, Ахматовой и Андреевым как «патриота» (*Mirsky D.S. Five Russian Letters. III. Recent developments in poetry. Poetry and Politics // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature*. P. 63).

²¹ О контексте посвященных Бунину в английской прессе публикаций 1921–1922 гг. см.: Казнина О.А. Русские в Англии. С. 368–370.

раз по причине его “латинских” черт, поскольку француз ожидает от варваров с Востока варварских пышных зрелищ в духе Дягилева, и оставляет за собой монополию на трезвое и сдержанное искусство. В Бунине слишком много того, что было во Флобере, — тот же лежащий в основе романтизм, та же брезгливая безупречность выражения, та же извращенная любовь к тошнотворным ужасам жизни. Бунина уважают, но мало читают. Читателя в большей степени привлекают менее совершенные и сложные сочинения Куприна и Алексея Толстого»²² (пер. с англ.).

Образ «парнасца-Бунина» вновь возникает в одном из важнейших русскоязычных текстов Мирского — законченной в июне 1922 г. большой статье «О современном состоянии русской поэзии». Справедливо названная О.А. Казниной «маленькой энциклопедией русской поэзии»²³, эта статья была опубликована только в 1978 г. «Вся проза нашего времени (кроме вещей совсем непритязательных и явно эпигонских) — проза поэтического происхождения, — уверяет Мирский. — Такова явным образом проза Белого и Ремизова, но такова ведь и проза Бунина. <...> Не только старая Толстовская традиция вымерла, но и Чеховская погибла бесславно. <...> Трое из старших: Бальмонт, Бунин, Гиппиус принадлежат к именам, дорогим каждому другу русской поэзии. Но все они (по разным причинам) не нужны или не очень нужны нам. И все они в своем отношении к революции и России остались на уровне эмигрантской газетной публицистики. Бунину это, пожалуй, к лицу — в позу (благородную, если хотите) презрительного, со сжатыми губами страдающего Парнасца должно входить это презрение к толпе, хотя бы она и называлась русским народом. И Бунин наименее ненужный из этих трех. Но наименее ли отживший? Не сказал ли он своего последнего слова в делающем ныне мировую карьеру “Господине из Сан-Франциско”? Стихи его во всяком случае менее значительны, чем эта трагическая арлекинада»²⁴.

Отметим здесь не только утверждение о смерти толстовской традиции русской прозы, но и тезис о «поэтическом происхождении» прозы Бунина — при низкой оценке собственно поэтического творчества Бунина.

Оставшийся неизвестным современникам текст Мирского 1922 г., однако, дал своеобразные и более чем заметные плоды в опубликованных работах критика. Поэзия Бунина стала своеобразным «минус-приемом» в опубликованной Мирским в 1924 г. книге «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака». Мирский не счел возможным включить в свою антологию стихи Бунина, отметив — в примечании! — что «из поэтов 90-х годов, не примкнувших к символизму, — Лохвицкая, конечно, не стоит внимания; что же касается

²² *Mirsky D.S. Five Russian Letters. V. The Literature of the Emigration // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 82. Впервые: Mirsky D.S. Five Russian Letters. V. The Literature of the Emigration // London Mercury. 1922. Jan. Vol. 6. № 32. P. 193–195.*

²³ *Казнина О. Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе. С. 225.*

²⁴ *Святополк-Мирский Д.П. О современном состоянии русской поэзии // Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 61, 64. Впервые: Он же. О современном состоянии русской поэзии / Предисл. и публ. Г. Струве; послесл. Дж. Смита // Новый журнал. 1978. Кн. 131. С. 79–110.*

Булнина, то его стихи можно рассматривать только как “стилистические упражнения” очень большого прозаика»²⁵.

По словам Дж. Смита, «отсутствие поэтов модернистского периода, для которых Мирский не нашел места в своей антологии, кажется сознательным провоцированием эмиграции, поскольку Мирский хоть и включил по одному стихотворению Бальмонта и Гиппиус, он не включил Бунина и Ходасевича»²⁶. Это обстоятельство было не только замечено, но и выражено в печати — в частности, в рецензии М.О. Цетлина, опубликованной в «Современных записках»: «Булнина нет совсем, потому что его стихи названы “стилистическими упражнениями очень большого прозаика” Между тем в примечаниях к другой антологии, составленной Морисом Бэрингом (так у Цетлина. — М. Е.), тот же кн. Святополк-Мирский называет поэзию Бунина “единственной настоящей парнасской поэзией в России”. Неужели в качестве таковой она не должна была быть представлена в “кривой” этой антологии?»²⁷ Цетлин цитирует слова Мирского из предисловия: «Я хотел ее (антологию. — М. Е.) сделать вроде кривой, представляющей хаотическую сложность для неопытного глаза, но могущей быть рассчитанной с точностью по самому короткому отрезку»²⁸.

Разницу между антологией Беринга и «Русской лирикой» Мирского отмечает и Дж. Смит: «Меткие (crisp) примечания, которые Мирский поместил в конце своей антологии, создают весьма поучительный контраст с примечаниями, которыми Мирский в том же, что и его антология, году снабдил “Оксфордскую антологию русской поэзии” Мориса Беринга»²⁹.

Четверть с лишним века спустя, в 1952 г., нью-йоркское Издательство имени Чехова выпустило составленную А.А. Боголеповым антологию «Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения»³⁰. Трудно не увидеть в названии этой книги полемику с антологией Мирского и попытку «восстановления исторической справедливости». Учитывая, что Жуковский был сыном помещика Бунина, «буниноцетризм» антологии Боголепова представляется особо выраженным.

В 1925 г. Мирский выпустил свою первую из четырех (считая и книгу «Pushkin») книг по истории русской литературы (и первую книгу по-английски) — уже упоминавшуюся «Новую русскую литературу» («Modern Russian Literature»)»³¹. Поскольку эта книга оказалась во многом заслонена двумя

²⁵ Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. кн. Д. Святополк-Мирский; вступ. ст. проф. Г.П. Струве. N. Y.: Russica Publishers, Inc., 1979. С. XI. Курсив Мирского. (Репринт первого издания: Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924.)

²⁶ Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 131.

²⁷ Цетлин М. [Рецензия] // Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 441. Рец. на кн.: Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1924.

²⁸ Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. С. VI.

²⁹ Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 130.

³⁰ Русская лирика от Жуковского до Бунина: Избранные стихотворения / Сост. А.А. Боголепов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

³¹ На страницах журнала «Современные записки» книга Мирского была упомянута в числе книг, поступивших в редакцию (см.: Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 478).

последующими «Историями русской литературы» Мирского, имеет смысл привести раздел, посвященный Бунину в главе «Великие романисты» («The Great Novelists»), параграф «Чехов и после» («Chekhov and After»): «Не имея повествовательного дара Куприна, Бунин довел до предела ту российскую тенденцию, которую мисс Харрисон называет “несовершенным стилем”³². Большинство его рассказов вовсе не имеют развития.

Бунин принадлежит к традиции Тургенева и Чехова, его творчество в основе своей поэтическое. Но у него нет искренней человечности Чехова. Он — художник слова, единственный ныне живущий писатель, чей русский язык удовлетворил бы Тургенева и Гончарова. Он холоден и сдержан — истинный парнасец, в высшей степени обладающий обеими парнасскими добродетелями, безупречностью и бесстрастностью. По его прозе легко догадаться, что он также и поэт, но его стихи имеют скорее характер упражнений, чтобы поддерживать свой стиль в хорошей форме. Место действия большинства его рассказов — это сельская местность в Центральной России. Наиболее значительное из его сочинений — “Деревня” (1910), которую Горький провозгласил лучшим, что когда-либо было написано о русском крестьянине. Оно очень мрачное и словно задумано как иллюстрация к недавним горьковским обличениям крестьянства³³. Но в Бунине есть и склонность к экзотике. Он любит юг, и место действия его лучшего рассказа — его единственного истинно великого сочинения — Неаполь и Капри. Это “Господин из Сан-Франциско”, мрачная история о богатом американце, приезжающем на Капри лишь для того, чтобы умереть в тот же день. Это одна из самых ярких вариаций на вечную тему могущества смерти и тщеты человеческой жизни»³⁴ (пер. с англ.).

Отметим, что и в книге 1925 г., и в более поздней «Истории русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» («A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)», 1927) Мирский использует предложенное Дж.Э. Харрисон понятие «несовершенный стиль» применительно к Гончарову. Так, в «Истории...» 1927 г. Мирский писал о Гончарове: «У него существует лишь постоянное, постепенное разворачивание неизбежного. Это то, что мисс Харрисон назвала тенденцией русского романа к “несовершенному виду” — т. е. к той форме русского глагола, где действие находится в

³² Харрисон (Harrison) Джейн Элен (1850–1928) — английский этнограф, историк культуры и религии, антрополог; Мирский посвятил ей книгу «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского» («A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)», 1927). Об отношениях Харрисон и Мирского см.: *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 96–98.*

В английском языке *imperfect* — прошедшее несовершенное время. Говоря об «*the imperfective style*», Дж.Э. Харрисон, скорее всего, имеет в виду отсутствие последовательно-развернутого сюжета и законченных сюжетных концовок в повествовании. См. также: *Rogachevskaya E.* Британские интеллектуалы и русские медведи («Житие протопопа Аввакума» на английском языке) // *Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman. Jerusalem; M., 2004. С. 52.*

³³ Речь идет о книге: *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1922.

³⁴ *Mirsky D.S., Prince.* Modern Russian Literature. L.: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1925. P. 96–97.

процессе осуществления. Эта тенденция, после Лермонтова, господствовала во всей русской литературе; исключением были плебейские писатели — Лесков и Писемский»³⁵ (пер. с англ.). Параллель Бунин — Гончаров будет неоднократно повторяться и в последующих текстах Мирского.

В 1926 г. Мирский опубликовал свою знаменитую книгу «Современная русская литература, 1881–1925» («Contemporary Russian Literature, 1881–1925»), где Бунину посвящен отдельный раздел. Мирский особо останавливается на стихах Бунина, давая им развернутую характеристику: «Как поэт Бунин принадлежит к старой, досимволистской школе. Техника его осталась техникой восьмидесятых годов, но она достигает более высокого уровня, и стих его менее “пустой”, чем у Надсона или Минского. Поэзия его в основном объективна, ее главная тема — впечатления от русской и иноземной природы. Несомненно, как прозаик он гораздо сильнее, чем как поэт, но поэзия его подлинная, и он единственный значительный поэт эпохи символизма, к символизму не примыкающий. Стихи его до 1917 г. собраны в трех книгах, из которых вторая включает в себя, вероятно, лучшие его стихотворения (1903–1906), в том числе мощное и запоминающееся стихотворение о дикой Башкирии “Сапсан” и незабываемые картины магометанского Востока»³⁶ (пер. с англ.). обстоятельно и подробно Мирский анализирует и бунинскую прозу. Любопытно отметить, что «Современные записки», оплот послереволюционной репутации Бунина и самый авторитетный журнал русской эмиграции, на книгу Мирского никак не откликнулись.

Проницательный и пространный анализ бунинского стиля и языка в «Истории...» отнюдь не лишен критических интонаций (в том числе и в том, что касается послереволюционного творчества Бунина), однако в целом его стоит признать взвешенным рассмотрением художественного мира Бунина в рамках первопробной попытки дать системную характеристику современной русской литературы — изнутри, но для иноязычной аудитории. Здесь имеет смысл отметить, что, обращаясь к нерусской аудитории (большей частью — англоязычной), Мирский намного более сдержан и умерен в своих оценках и, не поступаясь своими критическими принципами, старается привлечь внимание к богатствам русской литературы (что ранее было замечено М.О. Цетлиным в рецензии на «Русскую лирику», но никак им не истолковано).

В однотомном американском издании «Истории русской литературы» Мирского 1949 г. Ф.Дж. Уитфилд добавил к главе о Бунине абзац собственного сочинения: «В 1933 г. Бунину была присуждена Нобелевская премия, он продолжал писать и эволюционировать в эмиграции. В дополнение к нескольким собраниям рассказов и стихов, среди которых “Темные аллеи” (1943) получили особенно хвалебный прием, он написал повесть о юношеской любви (“Митина любовь”, 1924–1925) и начал большой автобиографический роман (“Жизнь

³⁵ Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. Л., 1992. С. 289. Курсив Мирского. См. также: *Mirsky D.S., Prince. Modern Russian Literature*. P. 34.

³⁶ Мирский Д.С. История русской литературы... P. 604–605.

Арсеньева”»³⁷ (пер. с англ.). Отметим, что после издания 1949 г. Ф.Дж. Уитфилд осуществил еще одно, сокращенное издание³⁸ (с последующими переизданиями), в которое целиком вошла «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» и несколько первых глав — до главы, посвященной Чехову, включительно — из книги «Современная русская литература, 1881–1925». В это сокращенное издание глава, посвященная Бунину, не вошла.

Трудно сказать, был ли Бунин — *de visu* или в чьем-либо пересказе — знаком с «Современной русской литературой, 1881–1925» Мирского, однако последовавшие за выходом книги события резко накалили обстановку в кругах литературной эмиграции. Виновником этому был Мирский, а поводом — во многом — Бунин.

В апреле 1926 г. вышел второй (и, как оказалось, последний) номер журнала «Благонамеренный», издававшегося в Брюсселе князем Д.А. Шаховским, где был помещен текст Мирского под названием «О консерватизме. Диалог». В нем один из двух никак не представленных собеседников спрашивает: «Но все-таки Вы не можете отрицать, что наши литературные консерваторы подчас производят вещи весьма ценные?» — на что получает ответ: «Не отрицаю. Но ценность этих вещей меньше тех, которые создавали их образцы. Исключаю, конечно, Бунина, который подлинный творец и который органически связан с прошлым, а не с будущим. Но к Бунину применимо то, что применимо ко всей реалистической полосе русской литературы. Это голос разрушения, голос смерти, а не жизни. Мы можем и должны удивляться Бунину, но не должны хотеть возвращения условий, которые могли породить такое творчество. Я считаю “Суходол” вещью огромной по захвату и совершенству. Но более трупной, более безнадежной вещи в русской литературе я не знаю. Даже “Господа Головлевы” не так беспросветны»³⁹.

Можно полагать, что Мирский был первым в русской эмиграции, кто написал о Бунине подобное. Однако Мирский решил это не только написать, но и сказать публично — да еще и перед лицом самого Бунина.

5 апреля 1926 г. в Париже Мирский прочел доклад «Веяние смерти в пред-революционной русской литературе», на котором присутствовали И.А. Бунин, Г.В. Адамович, М.А. Алданов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.Ф. Ходасевич, Б.К. Зайцев, А.М. и С.П. Ремизовы, З.А. Шаховская и др.⁴⁰ Доклад произвел шокирующее впечатление на слушателей — не только своей темой, но и тем, что Мирский объявил присутствующих на его докладе первых лиц русской зарубежной литературы ответственными за упадок и разложение духа, певцами смерти и разложения. Скандальность доклада усиливалась, в частности, эксцентрической мистификацией Мирского, покоробившей, надо полагать, «литературную аристократию». З. Шаховская вспоминала: «Говорил <Мирский> отменно умно, в одном

³⁷ *Mirsky D.S. A History of Russian Literature, Comprising a History of Russian Literature and Contemporary Russian Literature.* P. 394.

³⁸ См., напр.: *Mirsky D.S. A History of Russian Literature. From Its beginnings to 1900 / Ed. by F.J. Whitfield.* N. Y.: Vintage, 1958.

³⁹ *Святополк-Мирский Д.* О консерватизме: Диалог // *Благонамеренный.* 1926. № 2. С. 91.

⁴⁰ См.: *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939.* P. 150.

месте подчеркнув, “как сказал выдающийся русский писатель Кундышин”. <...> <После доклада> кто-то в замешательстве спросил, с редким для него смущением: “Прости, Дима, я что-то не могу вспомнить, кто был Кундышин”. Святополк-Мирский важно: “Совсем не был, я его выдумал”»⁴¹.

После этого события начинают разворачиваться стремительно. В начале июля 1926 г. выходит в свет первая книга редактируемого Мирским журнала «Версты»⁴², в котором была помещена обширная рецензия Мирского на журналы «Современные записки» и «Воля России».

Еще в 1921 г. Мирский писал: «Нужно отметить, что <ни от кого> — от почтенных ветеранов интеллигенции, ничему не научившихся и ничего не забывших, до ветеранов, собравшихся вокруг “Современных записок” в Париже и других заграничных изданий, — откровений ждать не стоит» (пер. с англ.)⁴³. Однако разница в произведенном эффекте между английской статьей 1921 г. и рецензией в «Верстах» 1926 г. была разительной.

Эта статья — главный вклад Мирского-автора в первую книгу «Верст». Вторую статью Мирского, «Поэты и Россия», Дж. Смит называет «поверхностной» («perfunctory»), тогда как обзор журналов охарактеризован им как «сокрушительный» («devastating»)⁴⁴. Отметим, что первоначальные планы Мирского отличны от того, что было напечатано в первой книге «Верст». Мирский в письме Сувчинскому от 25 февраля 1926 г. писал: «Что мне написать как главную статью? (недлинную, конечно, 8 стр. не больше). У меня есть несколько проектов: <...> d) Итоги предреволюционного периода — т. е. критическая оценка стариков... <...> Рецензии предлагаю дать: а) Современные записки б) Воля России с) Книга Бицилли о Поэзии»⁴⁵. Дальнейшие планы уточняются в письме от 11 марта 1926 г.: «Статью о стариках (предреволюционного поколения) и рецензии о Современных записках, Воле России и Бицилли пришлю наискорейше»⁴⁶. В замысле статьи с «критической оценкой стариков» можно увидеть нечто родственное докладу (впоследствии опубликованному) «Веяние смерти в предреволюционной русской литературе».

Обратимся к тексту статьи в первой книге «Верст». Упомянув «принципиальн<ую> (и природн<ую>) уездност<ь> Бунина», Мирский писал: «Многим выше этих двух (Мережковского и Зайцева. — М. Е.) Алданов... Ходасевич... и особенно две подлинно большие (очень по разному) фигуры Зинаиды Гиппиус и Бунина», после чего посвятил Бунину почти страницу текста:

⁴¹ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 131.

⁴² Уже после выхода в свет первой книги «Верст» Мирский писал Сувчинскому 25 октября 1926 г. о финансировании издания второй книги: «Я принимаю меры насчет денег. Готовлю кампанию в Америке. Поручили (от Шуваловой) обойти Рахманинова, но кажется, ничего не выйдет, так как он снюхался с Буниным» (Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 54).

⁴³ Mirsky D.S. Five Russian Letters. III. Recent developments in poetry. Poetry and Politics // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 68.

⁴⁴ Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 153.

⁴⁵ Idem. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 48.

⁴⁶ Ibid. P. 52.

«...Бунин, “краса и гордость” русской эмиграции, столп Консерватизма, высоко держащий знамя Великого, Могучего, Свободного и т. д. над мерзостью советских сокращений и футуристических искажений — чистая традиция “Сна Обломова”. Бунин редкое явление большого дара не связанного с большой личностью. В этом отношении Бунин сродни Гончарову, которого он, я думаю, в конце концов не ниже. Именно о третьей и четвертой части “Обломова” (единственно подлинно большое, почти гениальное у Гончарова) вспоминаешь в связи с “Суходолом”⁴⁷.

“Суходол” очень большая вещь: никто (кроме, конечно, Салтыкова в “Господах Головлевых”) не дал такого страшного, убедительного, гнетуще-неизбежного эпоса о гниении и умирании уездного дворянства. Смерть, и даже не смерть, а страшное и гнусное предсмертие (*facies hippocratica*) целого класса никогда не вставала в более безнадежном, не величии, а ужасности (*Примеч. Мирского: Не случайно Пильняк (ученик Бунина в гораздо большей мере чем Белого или Ремизова)*⁴⁸ облюбовал из всего Бунина именно “Суходол”).

В “Современных записках” (да и нигде) Бунин не дал ничего равного “Суходолу”. “Митина любовь”, самая, по мнению многих, замечательная, вещь напечатанная в “Современных записках”, приятна, спору нет, и в лучших местах похожа, не фотографически, а ученически (и это хорошо), на памятные страницы Толстовского “Дьявола”. Но, конечно, если судить по “Митиной любви” о зарубежном творчестве — росту оно небольшого. И как она бледнеет и меркнет перед подлинной жизнью “Детства Никиты”. В конце концов, ядро “Современных записок” не дало в романе ничего равного напечатанному со стороны, “Преступлению Николая Летаева”⁴⁹.

Уже 10 июля 1926 г. Бунин записывает в дневнике: «На завтраке у Мережковских. Очень любезны и гостеприимны. З.Н. прочла свою статью против Святополка. Очень хорошо и с тактом написано. Все газеты ее отказались напечатать, появится статья у Мельгунова»⁵⁰. Речь идет о статье Гиппиус (под ее обычным псевдонимом Антон Крайний) «Мертвый дух»⁵¹. Об этой статье, а также о статье Гиппиус

⁴⁷ Ср., кстати, в ином контексте упоминание Обломова Буниным в конце жизни, в письме 1945 г. к А. Бахраху, с обращением «Дорогой Захар» и подписью «Ваш — Илья Ильич Обломов» (*Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Б. м.: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 174*).

⁴⁸ Ср. также другие оценки Мирским Б. Пильняка, которого он крайне низко ценил как писателя: *Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. С. 812, 813. См. резко негативные высказывания Бунина о Пильняке: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000. С. 160, 172. В рецензии на «Города и годы» К. Федина Мирский писал: «<Рассказ Федина “Сад”> обнаружил в нем умного и самостоятельного ученика Бунина (влияние которого на “советскую” беллетристику, особенно на Пильняка, очень велико, и обычно недооценивается» (*Святополк-Мирский Д., кн. [Рецензия] // Современные записки. 1925. Кн. XXIV. С. 432. Рец. на кн.: Федина К. Города и годы: Роман. Л.: Гос. изд-во, 1924*).*

⁴⁹ *Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. 1926. № 1. С. 208–209.*

⁵⁰ Устами Буниных. С. 158. Публикатор М. Грин дает после упоминания «Святополка» уточнение: «[Мирского]».

⁵¹ *Антон Крайний [Гиппиус З.Н.] Мертвый дух // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4. С. 257–266; То же // Гиппиус З.Н. Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926–1930 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 161–172.*

«О “Верстах” и о прочем» и об анти-«верстовской» статье Ходасевича Мирский отозвался в письме к Сувчинскому от 25 октября 1926 г.: «Статьи З. Гиппиус и Ходасевича имеют на меня ужасно вредное действие: развивают во мне чувство превосходства, гордыню (Superioritäts-complex)»⁵².

Печатный ответ самого Бунина последовал быстро — через месяц. В начале августа 1926 г. Бунин публикует в газете «Возрождение» статью о «Верстах»:

«Просмотрел и опять впал в уныние. Да, плохо дело с нашими “новыми путями”. Нелепая, скучная и очень дурного тона книга. <...>

Редакторы — Святополк-Мирский, Сувчинский и Эфрон, ближайшее участие — Ремизова, Марины Цветаевой и... Льва Шестова. Что за нелепость, за бесшабашность в этой смеси: Цветаева — и Шестов! И какая дикая каша содержание журнала! <...>

Как ни мало вкуса у его редакторов, все-таки видно, что действуют они не только по своему вкусу. И действуют прежде всего страшно по старинке; эта смесь сменовеховства и евразийства, это превознесение до небес “новой” русской литературы в лице Есениных и Бабелей, рядом с охаиванием всей “старой”, просто уже осточертело. <...>

Очень неинтересен и очень надоел и Пастернак, о котором уже сто раз успел сказать Святополк-Мирский: “Вся прошлая русская литература — гроб повапленный, и вся надежда русской литературы теперь в Пастернаке и Цветаевой!” Бабель тоже ценность и новинка не Бог весть какие. <...>

“Вольница” Артема Веселого, страниц двадцать какого-то сплошного лая, напечатанного с таким типографским распутством, которое даже Ремизову никогда не снилось: на страницу хочется плюнуть — такими пирамидами, водопадами, уступами, змееподобными лентами напечатаны на ней штуки вроде, например, следующих: “Гра, Бра, Вра, Дра, Зра с кровью, с мясом, с шерстью...” Что это значит и кого теперь удивит этим? <...>

А уж про Ремизова и Цветаеву и говорить нечего: тут любой дурачок за пять минут угадает, что именно дал в сотый, в тысячный раз Ремизов насчет Николая-Чудотворца и Розанова и чем опять блеснула Цветаева... <...> А рядом с Цветаевой старается Святополк-Мирский: в десятый раз долбит, повторяет почти слово в слово все то, что пишется о нас в Москве, наделяя нас самыми нелепыми, первыми попавшимися на распущенный язык уничижительными кличками и определениями... <...> Кстати сказать, узнал я из этих “Верст”, что “гениальный” Белый написал новый роман и как именно написал он его»⁵³.

В своей статье о журналах Мирский, говоря о достоинствах «Воли России» замечает: «“Воле России” принадлежит честь первого перевода на русский язык величайшего романиста новой Европы — Марселя Пруста»⁵⁴, но и это, и весь раздел статьи Мирского, посвященный «Воле России», Бунин словно игнорирует.

⁵² Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 61.

⁵³ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 218–221.

⁵⁴ Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 210. Далее в рецензии Мирский пишет: «“Современные Записки”, издаваемые в Париже, совершенно игнорируют — такие уж Евразийцы — всю современную культуру Запада» (Там же. С. 210).

Как отмечает О.Н. Михайлов, «Бунин “новые” течения отвергал яростно, терял порой самообладание и всякое чувство меры, когда в эмигрантских изданиях читал, скажем, перепечатки произведений советских авторов. Таково, например, его выступление 1926 года “Версты”... <...> Статья “Версты” находится в одном ряду с другими, столь же темпераментными выступлениями на литературные темы — “Записная книжка” (1926, 1929, 1930), “Своими путями” (1926), “Заметки” (1927), “Большие пузыри” (1927), “О Волошине” (1932), “Босоножка” и др. Конечно, не одна “чистая” эстетика водила бунинским пером; но и эстетика тоже»⁵⁵.

Статья Бунина вызвала отклик редактора журнала «Воля России» Марка Слонима, в котором Слоним исключительно резко высказался и о Бунине-критике, и о бунинских полемических приемах, в частности о цитировании программной статьи редакторов в первой книге «Верст» с опущенной частицей «не», что принципиально меняло смысл цитированного высказывания: «Он не оценить хочет, а унижить, не разобрать, а ошельмовать. Злобу вызывают в нем все эти “новые люди” литературы, все эти нетитулованные пришельцы, к которым он, дворянин от искусства, относится с тем же презрением, что и крепостной барин к “хамам” и “кухаркиным детям”. <...> Ибо насколько сдержан Бунин-художник, настолько же распущен и не брезглив Бунин — критик и публицист. <...> Прежде чем учить других хорошему тону, не мешало бы самому Бунину научиться некоторым правилам литературного приличия. Но цель оправдывает средства. А цель эта — охаять молодую русскую литературу и всех ее представителей и защитников изобразить в виде полуидиотов или большевистских лакеев»⁵⁶. «Нетитулованным пришельцем» Мирского, князя из рода Рюриковичей, потомка боярыни Морозовой и Екатерины II, назвать трудно. Можно предположить, что Мирский дополнительно вызывал у Бунина, с его разговорами «о “дворянских родинках”, “дворянских ушах” и вообще обо всем “дворянском”»⁵⁷, сильную неприязнь сочетанием аристократического происхождения и просоветских взглядов. Добавим, что одним из редакторов «Верст» был граф П.П. Шелига-Сувчинский, а в числе авторов — князь Н.С. Трубецкой.

Бунин ответил Слониму в печати⁵⁸. «Вот каков оказываюсь я, мертвый, глухой, косный, слепой, глухой, перед Слонимом, перед его жизненностью, перед его пониманием и приятием “нового”, перед его чуткостью, отзывчивостью, умственной широтой, его зорким оком и великолепными ушами. (Да и не один я, а вся эмигрантская “литературная знать и ее придворная челядь”.) Но вот неразрешимые вопросы: каким образом ухитрюсь я при всех моих вышеперечисленных качествах все-таки быть “очень хорошим” писателем? Почему я должен принимать и вкушать всю ту мерзость, которая подносится нам “новой” Россией,

⁵⁵ Михайлов О.Н. Страстное слово // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 12, 13.

⁵⁶ Слоним М. Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. 1926. № 8/9. С. 87–103. Цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 562–563.

⁵⁷ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М., 1996. С. 292.

⁵⁸ См.: Бунин И.А. Записная книжка // Возрождение. 1926. 28 окт. № 513. С. 3–4.

как тот сосуд, полный гадов, что спустился во искушение Петру Апостолу, когда он “взалкал и поднялся наверх, чтобы помолиться”? Почему я обязан сходить в гроб ради каких-то Артемов Веселых, Пастернаков, Бабелей, Слонимов, да еще благословлять их? Я еще далеко не в державинском возрасте, да и они далеко не Пушкины! Слоним тогда “уважал бы” меня? Очень верю, но откуда взял Слоним, что я жажду его уважения? — И еще: я в своей статейке о “Верстах”, цитируя их программную статью, проглядел в одном месте частицу “не” и тем искажил одну совершенно незначительную для общей оценки “Верст” фразу, о чем и сожалею. Это дало повод Слониму сказать обо мне: “Подобный прием носит совершенно определенное и далеко не благозвучное имя!” — Но зачем Слоним не договорил, постеснялся? Уж если распоясываться, так до конца»⁵⁹. Отметим, что бунинское «проглядел частицу “не”» явно противоречит бунинским же словам в статье о «Верстах»: «Вот, значит, каковы намерения журнала, — выписываю его программу почти целиком, выпустив всего пять строк из первого абзаца, ни в каком отношении не важных». Дискутируемая частица стоит вторым словом на первой строке (цитированной Буниным) редакционного обращения, а в цитате из обращения им выпущены не пять строк, а девять — из двадцати четырех, т. е. почти треть, так что Бунин лукавит.

На страницах первой книги «Верст» Бунин, впрочем, упоминался и в еще одной статье, в принадлежащем перу А. Туринцева «Опыте обзора»: «Замятин... писатель “новый”, писатель нашей, живой эпохи, а не из прошлого русской литературы (как Бунин, напр<имер>)»⁶⁰. Дж. Смит называет статью Туринцева «исключительно интересным обзором»⁶¹. В письме к Сувчинскому от 19 февраля 1927 г. Мирский писал: «...вся наша позиция как раз, что эмигрантская молодежь импотентна, не так ли? Другое дело критика, и я например очень хотел статьи от Туринцева, — уж если кого поощрять из молодежи, то прежде всего его»⁶². Именно Туринцева Мирский видел автором специальной, пусть и небольшой, работы о Бунине, как это следует из писем Мирского к Сувчинскому: от 28 февраля 1927 г. — «...очень прошу Вас поручить Туринцеву написать рецензию (страницы в две) о последней книге Бунина»⁶³; от 15 июня 1927 г. — «Напомните Туринцеву, чтобы писал статью о Бунине — непременно»⁶⁴. Третья книга «Верст» вышла и поступила в продажу в начале января 1928 г., но статья Туринцева о Бунине в «Верстах» так и не появилась.

«Нападение» на Бунина в первой книге «Верст» упоминается и в знаменитой статье В. Ходасевича 1926 г., направленной против «Верст» и Мирского лично:

⁵⁹ Цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 231–232.

⁶⁰ Туринцев А. Опыт обзора // Версты. 1926. № 1. С. 217. Туринцев Александр Александрович (прогоиерей Александр Туринцев; 1896–1984) в 1927 г. поступил в Свято-Сергиевский православный богословский институт и в 1931 г. окончил его; принял священство в 1949 г. в юрисдикции Московской патриархии.

⁶¹ Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 199.

⁶² Ibid. P. 75.

⁶³ Ibid. P. 79. Как указывает Дж. Смит, речь шла о книге рассказов Бунина «Солнечный удар» (см.: Ibid. P. 200).

⁶⁴ Ibid. P. 86.

«В... антологии («Русская лирика». — М. Е.) И.А. Бунин назван “очень большим прозаиком”, а теперь, в “Верстах”, этот чин сильно понижен — потому что надо было понизить одного из виднейших участников “Современных записок”»⁶⁵. Мирский никак прямым образом не откликнулся на обмен резкостями по поводу своей статьи в первой книге «Верст». Вместо этого во второй книге «Верст», вышедшей в начале января 1927 г., он поместил сокращенную переработку своего скандального доклада «Веяние смерти в предреволюционной русской литературе», где можно было прочесть, в частности, следующее: «На зачарованности смертью Андреева, Бунина, Арцыбашева настаивать не приходится, — она слишком очевидна. Смерть для них, как и для бесчисленных других, маленьких единственная реальность; жизнь — суета сует, или “безумие и ужас”. <...> У Бунина оно связано с необыкновенно острым историческим чувством гниения и разложения всего старого уклада русской жизни. Все они связаны с Толстым в своем отрицательном и враждебном отношении к культуре. Но то, что у большого человека было над-культурностью, непосредственной близостью к Безусловному, у этих, меньших, просто некультурность, т. е. утрата чувства ценности, унаследованной (пусть скудной) культуры. Интересно, однако, сохранение некоторого пиетета к своей культурной традиции: у Бунина (вообще беспощадного к своему классу) в сентиментальной любви к “антоновским яблокам”, у Андреева в благоговейном подходе к добродетели и подвигу “террористов” (“Тьма”, “Семь повешенных”). Но это “пережитки”. Главная тема Андреева и Бунина, упоение смертью и небытием, зачарованность всем, что о ней напоминает. Зачарованные ужасом смерти, лишенные всякого религиозного положительного отношения к ней, всякой меры (они хуже Горького тем, что и не хотят ее, как бы не подозревая о ее возможности) — они наслаждаются и упиваются приближением и близостью смерти, поклоняясь ей и ее предвестникам, как единственным владыкам. Характерна для них любовь к теме самоубийства, введенной в нашу литературу Чеховым, и рано выродившейся (особенно в драме) в чисто технический прием. Вообще отсутствие глубины и воображения у этих писателей вело их к тому, что их темы легко вырождались в шаблоны и соскальзывали в карикатуру и пародию. Тема самоубийства, дожившая до наших дней, обернулась такой само-пародией в “Митинной любви” Бунина, где прием, — конечно, бессознательно — “обнажен” и ничем не оправдан, кроме традиционной необходимости так кончить рассказ. Но если, от отсутствия воображения и культуры, эти писатели и способны бывали так занашивать и обесмысливать свои темы, в лучшие свои минуты они давали вещи подлинно значительные. “В тумане” Андреева и “Суходол” Бунина останутся как прочные и страшные памятники страшного, предсмертного времени»⁶⁶.

Постоянство мотивов смерти у Бунина отмечалось и убежденными поклонниками творчества Бунина. Так, например, Г.П. Струве в «Русской литературе в изгнании» (1956) отмечал, что «ни у одного русского писателя, кроме, пожалуй, Толстого, не было такого влечения к теме смерти в сочетании с такой жадностью к жизни

⁶⁵ Ходасевич В. О «Верстах» // Современные записки. 1926. Кн. XXIX. С. 437.

⁶⁶ Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. 1927. № 2. С. 250–251.

и таким неустанным дивованием Божьим миром. Любовь к жизни, сознание чудесности Божьего творения и чувство смерти теснейшим образом переплетаются у Бунина, и на эту тему написаны им некоторые из лучших его страниц. <...> Едва ли не лучшие страницы в “Жизни Арсеньева” и вообще у позднего Бунина — о смерти⁶⁷. М.А. Алданов писал в письме Бунину от 22 августа 1947 г.: «Самое изумительное, по-моему: “Хорошая жизнь” и “Игнат”. Но какой Вы (по крайней мере тогда были) мрачный писатель! Я ничего безотраднее этой “Хорошей жизни” не помню в русской литературе»⁶⁸. Радикальность Мирского и заключалась в том, что он отказал Бунину в способности «дивования Божьим миром».

То, что в том же номере «Верст» Мирский в рецензии на «Дело Артамоновых» скажет, что эта книга «принадлежит к одной из магистральных традиций русской литературы, — к великому ряду обличений русской духовной скудости — “Обломов”, “Господа Головлевы”, “Деревня” Бунина»⁶⁹, для Бунина стало, судя по всему, лишь дополнительным оскорблением.

Мирский не остановился на достигнутом эффекте и в следующем 1928 г. опубликовал в англоязычном сборнике «Современные течения в русской литературе» («Contemporary Movements in European Literature») статью «Современные течения в русской литературе» («Contemporary Movements in Russian Literature»), где изложил в сжатом виде основные положения «Веяния смерти», а о Бунине написал следующее: «Бунин считается многими первейшим из живущих русских писателей. Это, без сомнения, гротескное преувеличение. Бунин ничего не добавил к национальному литературному капиталу из того, что в скрытой, а временами и в явной форме не содержалось бы у Тургенева, Гончарова, Салтыкова, Толстого или Чехова, и рядом с меньшими из этих своих предков он едва ли больше, чем пигмей. Однако его лучшие книги, “Деревня” (1911) и “Суходол” (1912), два ужасающих и безжалостных обличения нищеты, пустоты и безобразности деревенской России, принадлежат к великой традиции, и, по крайней мере, “Суходол” — это совершенный шедевр. После революции Бунин не написал ничего равного. Ныне он — главная литературная сила в стане консерваторов; довольно парадоксальная ситуация для живописателя безобразнейших картин России, сметенной революцией. В этих двух книгах всепоглощающее чувство смерти и пустоты, столь характерное для группы писателей (Андреев, Арцыбашев), получает социальное и историческое обоснование. Смерть в них не столько нечто вечное, сколько исторический феномен — фактическое умирание социального порядка. “Деревня” и “Суходол” — это симптомы и обличения распада, предшествующего смерти целой сферы дореволюционной России»⁷⁰ (пер. с англ.).

⁶⁷ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С. 67–68, 171.

⁶⁸ Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным. С. 138–139.

⁶⁹ Святополк-Мирский Д., кн. Критические заметки // Версты. 1927. № 2. С. 257. Ср., напр., с высказыванием Бунина этого времени (Записная книжка // Возрождение. 1926. 28 октября. № 513. С. 3–4): «Боже мой, это Горький-то знает <Россию>, Горький, с его литературщиной, с его малярным размахом, это суздальское кривое зеркало!» (цит. по: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 223).

⁷⁰ Mirsky D.S. Contemporary Movements in Russian Literature // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature. P. 261.

Трудно определить, знал ли Бунин об этой публикации, но, учитывая многолетнее выдвижение Бунина на Нобелевскую премию по литературе, можно предположить, что, стань Бунину известно об этой статье, он бы воспринял это не иначе как диверсию, направленную на подрыв его международной репутации.

В феврале 1928 г. в книге 34 «Современных записок» Бунин начнет публиковать свою главную прозу эмигрантского периода — роман «Жизнь Арсеньева». Меньше чем через год после этого, в начале 1929 г., Мирский, уже сильно эволюционировавший влево, на страницах газеты «Евразия» по-прежнему настаивал, что, «как бы высоко ни оценивать написанное ими (старшими писателями, сложившимися в России. — М. Е.) за рубежом, их место в русской литературе определяется их прежним творчеством. “Митину любовь” нельзя серьезно равнять с “Суходолом”»⁷¹. В том же году Мирский, кажется, в последний раз в европейской главе своей биографии высказался в печати о Бунине — и о «Жизни Арсеньева» — в своей написанной по-немецки статье: «... между бунинским расцветом и его сегодняшним днем расстояние слишком уж велико. Вместо мощного “симфонизма” той повести здесь царит рыхлая бесформенность, усугубленная к тому же обильными метафизическими размышлениями. И все же этот роман, благодаря своей правдивости и подлинности, а также отказу от злосчастного романтического сюжета (“Митина любовь”), является его (Бунина. — М. Е.)... значительнейшим произведением послереволюционного времени»⁷².

Как видим, на фоне предшествующих оценок послереволюционного творчества Бунина Мирский в немецкой статье 1929 г. все же признает художественные достижения «эмигрантского» Бунина⁷³.

Но в стане Бунина никакая статья из пражско-немецкого журнала ничего в отношении Мирского переменить уже не могла. Так, М.А. Алданов в письме В.Н. Буниной от 17 января 1930 г. писал: «Теперь в смысле англ<ийских> и америк<анских> переводов будет, верно, еще труднее из-за той сводки, которую поместил Святополк Мирский в “Брит<анской> Энциклопедии”... .. Этот господин всем нам сделал много зла: в Англии он считается первым авторитетом по русской литературе!!»⁷⁴

⁷¹ *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 148–149. Впервые: Заметки об эмигрантской литературе // *Евразия*. 1929. 5 янв. С. 6–7.

⁷² Цит. по: *Марченко Т.В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien, 2007. С. 333; со ссылкой на публикацию: *Sv̇atopolk-Mirsky D.* Die Literatur der russische Emigration // *Slavische Rundschau: Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der Slavischen Völker*. Prag, 1929. № 4. S. 291.

⁷³ Напомним, что в 1929 г. в издательстве «Современные записки» вышел итоговый поэтический сборник Бунина «Избранные стихи», вокруг которого развернулась оживленная и ожесточенная полемика. См.: *Движати́на Т.* Модернисты против академика: «Избранные стихи» И.А. Бунина в критике русской диаспоры // *Русская литература*. 2005. № 1. С. 53–66.

⁷⁴ Цит. по: *Рогачевский А. И.А.* Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 344. Мирский опубликовал две обзорные статьи о русской литературе в энциклопедии «Британника»: 1) *Russian Literature* // *Encyclopædia Britannica: The Three New Supplementary Volumes constituting with the Volumes of the Latest standard Edition the Thirteenth Edition*. L.; N. Y., 1926. Vol. 3. P. 435–439; 2) *Russian Literatur* // *Encyclopædia Britannica*. 14th edn. L.; N. Y., 1929. Vol. 19. P. 751–758.

Можно соотнести этот резко негативный отзыв Алданова с весьма благожелательной и взвешенной оценкой алдановского творчества в первой книге «Верст» и в «Критических заметках» Мирского, опубликованных во втором номере «Верст»⁷⁵, о чем Мирский писал в письме к Сувчинскому от 25 октября 1926 г.: «Есть маленькие любезности Дням и Алданову, м. б. лишние? Но вообще рассуждения об Алданове не из лицепрятия, и не для уловления»⁷⁶.

Мотив «вредоносности Мирского» получит развитие в дневниковой записи Бунина от 2 ноября 1931 г.: «Письма: 1) от Глеба Струве, пишет насчет Вирджинии Вулф. Как будто есть надежда, что отнесется со вниманием, если, конечно, русские книги в ее издательстве не читает Святополк Окаянный»⁷⁷. «Святополк Окаянный» в издательстве «Хогарт Пресс» в 1920-е гг. русские книги не только читал, но и издавал⁷⁸. В 1931 г., однако, Мирскому было не до этого: в это время он уже принял решение об отъезде в СССР и занимался большей частью агитационной работой в качестве члена Британской коммунистической партии.

Однако и в этот критический и переломный для Мирского момент в его переписке снова появляется имя Бунина. Как пишет О.А. Казнина, когда «возникла необходимость уделить Бунину внимание в английском университетском курсе лекций о литературе, за советом обратились к Д. Мирскому. Отвечая на просьбу Б. Пёрса “определить место” Бунина в современной русской литературе, критик писал ему 10 января 1931 г. из Парижа: “Бунин, без сомнения, занимает место сразу вслед за Горьким, он самый видный представитель ‘старой школы’ ” в своем поколении”. Лучшими произведениями Бунина Мирский назвал “Деревню” и “Суходол”, которые, как он писал, позволяют считать его в русской литературе “классиком второй величины” (“minor classic”). По мнению критика, произведения Бунина, созданные до войны, повлияли на новую советскую литературу. А о поздних произведениях он заметил, что они были “перехвалены эмигрантской печатью”»⁷⁹.

Оценка Мирского может показаться не лишенной парадоксальности, но нужно помнить, что в этот период Горький в глазах Мирского — главное связующее звено с Советским Союзом, куда он планирует уехать, а слова о влиянии Бунина

⁷⁵ «Многим выше этих двух (Мережковского и Зайцева. — М. Е.) — Алданов, редкий у нас пример писателя более умного чем творчески сильного, с настоящим, не творческим, и не очень широким, но подлинно историческим зрением» (*Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.)*. «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 209). См. также: Версты. 1927. № 2. С. 261–262.

⁷⁶ *Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931.* P. 62. В газете «Дни» Мирский в 1925–1926 гг. опубликовал ряд статей (см. список публикаций: *Ibid.* P. 191). Алданов в 1922–1924 гг. редактировал воскресное приложение к «Дням». См. также высказывания Мирского об Алданове в книге «Современная русская литература, 1881–1925» (1925), в статье 1926 г. «О нынешнем состоянии русской литературы» (*Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature.* P. 224) и в статье 1929 г. «Заметки об эмигрантской литературе» (*Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи.* С. 149).

⁷⁷ Устами Буниных. С. 255.

⁷⁸ Напр.: *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself // Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky.* L., 1924.

⁷⁹ *Казнина О.А. [Вступ. ст.] // Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину.* С. 342.

на советскую литературу — в устах «советизированного» Мирского звучат как похвала.

1 сентября 1931 г. Мирский опубликовал в «Нувель ревью франсэз» свою статью «История одного освобождения», а в конце сентября 1932 г. уехал в СССР⁸⁰. Преемником Мирского на посту в Школе славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies) при Лондонском университете в конце мая 1932 г. был назначен Г.П. Струве⁸¹. Свою первую публичную лекцию 16 ноября 1932 г. Струве посвятил Бунину, а лекцию 23 ноября — Набокову⁸². Казалось бы, набоковская эпитаграмма лета 1932 г. — «Из Глеба выйдет больше толка, / чем из дурного Святополка!»⁸³ — попала в точку⁸⁴.

Однако, как показала Т.В. Марченко, уже после присуждения Бунину Нобелевской премии в 1933 г. к скептическому мнению Мирского апеллировали в шведских газетах: «...автор гётеборгской газеты не спешит влиться в общий хвалебный хор шведской периодики и ссылается на мнение русской критики: “На какое место ставят Бунина в истории русской литературы, трудно судить со стороны. Но можно в этом случае процитировать авторитетное суждение русского литературоведа князя Д.С. Мирского который после революции работает в Англии”⁸⁵.

А это суждение явно идет вразрез с общим мнением о соответствии русского писателя престижной международной награде, ибо, ссылаясь на Д.П. Мирского шведский журналист, было бы “гротескным преувеличением считать Бунина одним из первых русских писателей; сейчас его имя имеет политическое значение в эмиграции, что парадоксально, ведь он описал в черных красках ту Россию, которую революция уничтожила. Даже если это суждение о Бунине не вполне справедливо, все же ясно, что новый лауреат Нобелевской премии не принадлежит

⁸⁰ Отъезду Мирского в СССР предшествовал громкий разрыв отношений с Б. Пэрсом, не принимавшим новую «коммунистическую веру» Мирского. По иронии судьбы, когда-то убежденный антибольшевик, Пэрс к середине 1930-х гг. эволюционировал до состояния восторженного сталиниста, посещавшего Советский Союз.

⁸¹ Оценка Г.П. Струве в его русско- и англоязычных работах Мирского как историка литературы и литературного критика — сюжет, заслуживающий отдельного рассмотрения.

⁸² Набоков писал в письме к Струве 2 декабря 1932 г.: «Очень, очень мне приятно, что вы — именно вы — читали обо мне. Я уже слышал о том, как блестяще прошла ваша первая — бунинская — лекция. Желаю вам, мой дорогой, огромных успехов. Не сомневаюсь, что вы много достигнете в Англии. А мерзкий Мирский, кажется, приезжает в Париж (где, говорят, будет с Бабелем и еще с кем-то издавать журнал)» (Письма В.В. Набокова к Г.П. Струве. Часть вторая (1931–1935) // Публ. Е.Б. Белодубровского и А.А. Долинина; коммент. А.А. Долинина // Звезда. 2004. № 4. С. 150).

⁸³ Там же. С. 148. О контексте эпитаграммы Набокова см.: *Efimov M. Nabokov and Prince D.S. Mirsky // The Goalkeeper. The Nabokov Almanac / Ed. Yu. Leving. Boston, 2010. P. 218–229.*

⁸⁴ «Список... публикаций <Г. Струве> в английской академической периодике открывается статьей “Искусство Ивана Бунина” в “Славянском обозрении” в 1933 г. В том же году в соавторстве с Хэмишом Майлзом (Hamish Miles) он опубликовал перевод книги И. Бунина “Жизнь Арсеньева” (“The Well of Days”). В следующем году он опубликовал в газете “Observer” рецензию на издания И. Бунина в английских переводах... Весной 1934 г. в “The Contemporary Review” в его переводе вышли воспоминания И. Бунина о встречах с Л. Толстым» (*Казнина О.А. Русские в Англии... С. 176*).

⁸⁵ Любопытно отметить, что автор статьи в шведской газете рассматривает Мирского как эмигранта, хотя с момента его отъезда в СССР прошло уже больше года.

к новаторам в русской литературе”. <...> ...Очевиднее всего, что шведский журналист при подготовке материала о Бунине обратился к одному из двух почти одновременно вышедших из печати трудов русского литературоведа на английском языке: “Modern Russian Literature” (London, 1925) и “Contemporary Russian Literature: 1881–1925” (London, 1927)⁸⁶.

Заочная жесткая полемика Мирского и Бунина (похожая, правда, больше на вынесение с каждой стороны окончательных приговоров, не подлежащих обжалованию, с зачислением в «расстрельные списки») середины 1920-х гг. обрывается отъездом Мирского в СССР. Ни Бунин, ни Мирский не увидят последующей творческой и человеческой эволюции друг друга. Для Мирского Бунин совсем вскоре станет частью мира, из которого он сбежал в Советский Союз; для Бунина, нужно думать, Мирский так и остался лишь неким просоветским, а потом и советским «литературным хулиганом».

Есть основания думать, однако, что принципиальной является не идеологическая окраска высказываний Мирского о Бунине (пункт, особо подчеркиваемый Буниным) — с учетом идейной эволюции Мирского, а та самая попытка Мирского выстроить канон русской литературы, о которой мы упоминали вначале⁸⁷. В 1926 г. для Мирского «Бунин сродни Гончарову, которого он... в конце концов не ниже»⁸⁸, а в оценке 1931 г. «занимает место сразу вслед за Горьким» и является «самы<м> видны<м> представител<ем> “старой школы” в своем поколении»⁸⁹.

Еще в 1922 г. Мирский утверждал, что «не только старая толстовская традиция вымерла, но и чеховская погибла бесславно»⁹⁰. В свою очередь, критика русского зарубежья долгие годы рефлексировала над судьбой дореволюционной литературы и пыталась связать дореволюционный период с литературой эмиграции. Бунин как раз и являлся одним из наиболее заметных звеньев в этой связке. Тургенев, Толстой, Чехов были теми фигурами, на фоне которых творчество Бунина оценивалось ведущими литературными критиками эмиграции (напри-

⁸⁶ Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 444–445; со ссылкой на газетную публикацию: Göteborgshandels — och sjöfarts tidning. 1933. 10 nov. S. 11.

⁸⁷ Напомним слова Мирского из предисловия к его книге «Современная русская литература, 1881–1925»: «Я не пытался скрыть собственные политические симпатии, и люди, знакомые с русскими реалиями, легко их обнаружат. Но берусь утверждать, что моя совесть литератора свободна от политических пристрастий, что как литературный критик я одинаково честно отношусь ко всем: к реакционеру Леонтьеву, к либералу Соловьеву, к большевику Горькому, к “белогвардейцу” Бунину и коммунисту Бабелю. Мои суждения могут быть личными и субъективными, но эта субъективность вызвана не партийно-политическими, а литературными и “эстетическими” пристрастиями. Однако и тут у меня есть смягчающее обстоятельство: я полагаю, что мой вкус до некоторой степени отражает вкусы моего литературного поколения и что компетентному русскому читателю мои оценки не покажутся парадоксальными» (пер. с англ.) (Цит. по: Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. С. 455–456).

⁸⁸ Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 г. № I–II. Прага). С. 208–209.

⁸⁹ Цит. по: Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину. С. 342.

⁹⁰ Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. С. 61. Отношение Мирского к Чехову требует отдельного описания и истолкования и, соответственно, остается за рамками настоящей статьи.

мер, Г.В. Адамовичем, П.М. Бицилли, Ф.А. Степуном)⁹¹. Н.Н. Берберова выразила обобщенную оценку не без двусмысленности: «И если бы он не опоздал родиться на тридцать лет, он был бы одним из наших великих нашего великого прошлого. Я вижу его между Тургеневым и Чеховым, рожденным в году 1840-м»⁹². И только Д.П. Святополк-Мирский поставил Бунина-прозаика (и отказав ему в праве считаться поэтом) в один ряд с Горьким, причислив его прозу «к великому ряду обличений русской духовной скудости»⁹³. «Обличение скудости» в соседстве с Гончаровым и Щедриным — тоже почетное литературное родство, но — не в глазах Бунина и тех, кто искал живой связи эмиграции с русской классикой.

Мирского, страстно увлеченного в 1920-х гг. Пастернаком, Цветаевой, Ремизовым и Элиотом, можно было бы заподозрить в «стилистической глухоте» применительно к творчеству Бунина, однако «История русской литературы» — с ее широчайшим диапазоном и заинтересованным вниманием к явлениям принципиально разных стилистических регистров — делает это предположение малоубедительным.

Как писатель Бунин для Мирского был и оставался автором «гнетуще-неизбежного эпоса о гниении и умирании уездного дворянства»⁹⁴. При этом «принципиальн<ая> (и природн<ая>) уездност<ь> Бунина» вкупе с подчеркиванием Буниным, автором «Деревни» и «Суходола», собственного дворянства должны были казаться Мирскому, природному Рюриковичу и столичному гвардейскому офицеру, по меньшей мере нелепыми стилистическими анахронизмами⁹⁵.

Парадоксальное (на поверхностный взгляд, по крайней мере) сочетание в Мирском филолога и офицера⁹⁶, выросшего в среде высокопоставленных военных и чиновников, облеченных властью и ответственностью за судьбы страны, определило и его двойственность как критика и историка литературы: изысканный эстетизм в литературных оценках (отсюда, например, восхищение Бабелем и неприятие Пильняка) сочетался с «активизмом» как жизненной установкой⁹⁷. Мирский был одним из тех, кто отстаивал необходимость оценивать изящную словесность по ее внутренним законам, а не по навязанным извне идеологическим меркам. Вместе с

⁹¹ См. репрезентативную подборку соответствующих цитат в кн.: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. С. 170–171; а также мнение самого Струве: «Придет, думается, время, когда, оцененный беспристрастно в исторической перспективе, Бунин займет место не наравне с Чеховым, а выше его» (Там же. С. 170).

⁹² *Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография. С. 295.

⁹³ *Святополк-Мирский Д.*, кн. Критические заметки. С. 257.

⁹⁴ *Он же.* «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага). С. 209.

⁹⁵ Напомним слова Мирского из уже цитированной статьи 1928 г.: «Ныне он — главная литературная сила в стане консерваторов; довольно парадоксальная ситуация для живописателя безобразнейших картин России, сметенной революцией» (пер. с англ.) (*Mirsky D.S. Contemporary Movements in Russian Literature // Mirsky D.S. Uncollected writings on Russian Literature.* P. 261).

⁹⁶ Мирский неслучайно выделял Гумилева как исключение среди русских писателей — как поэта и воина. В письме 1926 г. Мирский заметил, что верит «только в гвардейских офицеров» (*Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931.* P. 55).

⁹⁷ Так, сближение Мирского с евразийским движением началось в 1922 г., уже в следующем после приезда Мирского в Англию году.

тем Мирский видел в литературе один из важнейших индикаторов состояния нации, и потому принципиальное значение имеет тот факт, что обращение Мирского к коммунизму оказалось для него связано в первую очередь с чтением советской художественной литературы. Мирский *хотел* увидеть в литературе советской России признаки обновления и оздоровления нации — после катастрофы революции и Гражданской войны, и — уже в Советском Союзе — ему пришлось в полной мере оценить степень этого самообольщения и заплатить за него жизнью.

В 1920-е гг. Бунин для Мирского — это прочитанная страница истории России и истории русской литературы. Мирский мог признавать ее высочайший художественный уровень, но для того будущего, которого он искал, Бунин — в отличие от Пастернака и Цветаевой, в которых он видел «оптимистов», — не давал ничего⁹⁸. Мирский видел в Бунине «только литературу», хоть и временами первоклассную. В 1926 г. Мирский напишет: «Инерция вчерашнего дня всегда велика, и иногда лучший цвет литературного движения расцветает после смерти движения»⁹⁹; Бунина в глазах Мирского и можно увидеть этим «цветком после смерти».

Оказавшись в Советском Союзе в 1932 г., Мирский лишь постепенно осознал всю иллюзорность своей ставки на экспериментальную литературу в СССР: его затравили Безыменские и Вишневские, а имя привычным образом было вычеркнуто из списков живых и мертвых почти на тридцать лет. Бунина в советской России печатали еще в 1920-х гг. (включая эмигрантскую «Митину любовь»)¹⁰⁰, а после его смерти основной корпус его художественной прозы зарубежного периода стал доступен советским читателям и писателям, некоторые из которых достойны быть названы «бунинским потомством».

Представитель обедневшего дворянства и беспощадный наблюдатель дореволюционного «страшного, предсмертного времени»¹⁰¹, Бунин в эмиграции культивировал «дворянские родинки» и яростно обличал большевиков, русских символистов и эмигрантскую молодежь. Несмотря на разнообразные нападки со стороны молодых эмигрантских писателей, Бунин в 1920–50-е гг. рассматривался как самый крупный прозаик русского зарубежья. Нобелевская премия, казалось бы, окончательно утвердила за Буниным положение прижизненного классика, однако и публицистика Бунина, и его знаменитые «Воспоминания» свидетельствуют о том, что Бунин, болезненно озабоченный своим местом в истории русской литературы, чувствовал свою уязвимость в качестве классика. К концу жизни Бунин — в сохранившихся, по крайней мере, высказываниях — был едва ли не близок к нигилизму¹⁰². В исторической

⁹⁸ Напомним при этом слова Мирского в письме к Сувчинскому от 29 января 1924 г.: «Но кроме шуток, космический пессимизм мне очень близок, почему я так и презираю Гете, и так люблю Пушкина и К. Леонтьева» (*Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 26–27.*)

⁹⁹ *Святополк-Мирский Д., кн. «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага).* С. 207.

¹⁰⁰ См.: *Струве Г.П. Русская литература в изгнании.* С. 170. Примеч. 31.

¹⁰¹ *Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе.* С. 251.

¹⁰² Ср. дневниковую запись А. Шмемана от 4 ноября 1974 г.: «В новой книге “Нового журнала” (№ 116) последние записи Бунина: какое страшное, полное отчаяние, страх смерти, одиночество. И злора! И самолюбие!» (*Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман; предисл. С.А. Шмеман; примеч. Е.Ю. Дорман. М., 2005. С. 121.*)

перспективе ясно, что Бунин, ставший признанным классиком в «российском» каноне русской литературы, не имеет аналогичного статуса в европейской литературе (что не говорит, конечно, об отсутствии исследовательского интереса на Западе к Бунину).

В свою очередь, Мирский, аристократ по рождению и воспитанию, блестяще образованный, офицер, прошедший Первую мировую и Гражданскую войны, сделавший исключительно успешную академическую карьеру в Лондоне и входящий в лучшие интеллектуальные круги Европы, проделал радикальную эволюцию во взглядах, стал правоверным коммунистом и уехал в Советский Союз, где ему было суждено умереть страшной смертью в колымском концлагере. Вместе с тем ни скандальная репутация в среде русской эмиграции, ни работы Мирского советского периода никак не повлияли на его посмертную международную (но не российскую) репутацию: «История русской литературы» Мирского по-прежнему не имеет достойных себе конкурентов и заменителей в англоязычном мире.